

Лингвокультурологические реалии как переводческая проблема

Интенсивные интеграционные процессы, происходящие в современном мире, стали важнейшей социально-политической детерминантой развития поликультурного образования, предполагающего освоение общемирового культурного опыта и осознание собственной этнокультурной

идентичности как неотъемлемой части единого целого. Прозрачность государственных границ, мобильность населения и его мотивированность к изучению иностранных языков актуализируют необходимость восприятия культурных различий не как фактора, который осложняет социальные контакты, а как важнейшей части базовой культуры того или иного социума и мировой культурной сокровищницы в целом. Говоря о необходимости и целях поликультурного образования, Н.К. Рерих употреблял образное выражение «благодетельный синтез», подразумевающее единение культур, ведущее к плодотворному сотрудничеству народов. Идею целостности культурного и исторического развития человечества подчеркивают такие выдающиеся историки и философы, как Э. Мейлер, А. Тойнби, Ю. Яковец и др. Культурный диалог как философская основа общения разных народов пришел на смену идеям этнокультурного изоляционизма, базировавшимся на иллюзиях «самодостаточности» таких мощных культур, как англо-саксонская, романская и др.

Однако в последнее десятилетие вследствие массового притока мигрантов в развитые страны Западной Европы, ставшего настоящим испытанием не только для экономики, но и для социальных и культурных норм, сложившихся в Старом Свете, споры о соотношении базовой культуры и культуры мигрантов разгорелись с новой силой. Две полярные точки зрения высказываются культурологами и лингвистами в отношении как принципов взаимодействия основных элементов, составляющих культуры, так и языкового преломления происходящих социальных изменений. По мнению сторонников первой позиции, поликультурное образование должно ориентироваться на культуру мигрантов и предлагать пути нивелирования моментов конфронтации исконной культуры с культурой переселенцев. Очевидно, именно благодаря активному лоббированию этой группы общественных деятелей и ученых, из социального бытия немцев, швейцарцев и датчан уходит елка как символ Рождества и, соответственно, в языковом преломлении мы наблюдаем замену лексем «Рождество», «Рождественские каникулы» на аморфные «зимний отдых», «зимние праздники» и т.п. По мнению их оппонентов, поликультурное образование «рассматривает культурные изменения и культурную диффузию как имеющие место и необходимые процессы. Оно призвано оказать помощь и поддержку представителям обеих контактирующих культур, воспитывая такие качества, как взаимная открытость, интерес и терпимость» [3: 1150].

Справедливости ради нужно отметить, что набирает силу и третья точка зрения, поборники которой, вдохновленные идеями таких политиков – нео-националистов, как Марин Ле Пен, высказываются за резкое сокращение самих миграционных потоков и за сохранение социальных,

культурных и языковых традиций в их исторически закрепленных формах. Бесперспективность подобного мышления, впрочем, давно опровергнута самим историческим развитием цивилизации, которое наглядно демонстрирует ряд простых истин. Первая заключается в том, что никто и ничто не может заставить все нации изолироваться и прекратить всеяческие контакты, включая миграцию как один из вариантов взаимодействия. Вторым бесспорным фактом служит объективный анализ истории и достижений высокоразвитых поликультурных сообществ, которые основывались на разного рода союзах и объединениях, таких как Сарматское государство, Римская империя и т.д. Лингвисты, безусловно, подтвердят и тот факт, что бурное развитие языков (становление письменности, появление первых грамматик и т.д.) чаще всего наблюдается в социумах, которые, при наличии единого государственного языка, поддерживают и поощряют другие языки, представленные на территории данного государства. Ярким примером подобной языковой политики являлся Советский Союз, традиции которого в данной сфере бережно сохраняет Российская Федерация. Образцом противоположного мышления можно считать современную Грузию, правительство которой два десятка лет назад декларировало отход от русского языка и поворот к активному изучению английского языка. Живыми материальными свидетельствами такой стратегии являются многочисленные указатели и названия на улицах грузинских городов и молодые люди, которые на самом деле не говорят ни на русском, ни на английском языке и, тем самым, лишены какого-либо «*lingua franca*» для общения с представителями других культур.

Подобные примеры подтверждают тезис о том, что культурные и языковые особенности никоим образом не нарушают единства тех общих ценностей, которые способны объединить народы, а наоборот, делают их более жизнеспособными. Многообразие культурное и языковое является мощным позитивным фактором развития, а диалог (или даже полилог) культур представляется наиболее эффективной формой их взаимодействия.

В процессе взаимодействия различных культур, при общении сознаний как открытом диалоге культур, неизбежно встает вопрос о передаче представлений одной культуры в другой. Слово «передача» здесь является ключевым, поскольку речь не всегда может идти о простом переводе с одного языка на другой. Менее всего дословный перевод актуален в трансляции так называемых лакун – явлений и ситуаций, присущих культуре исходного языка, которые либо не наблюдаются в культуре принимающего языка, либо имеют своеобразный национально окрашенный характер, что может затруднить понимание сути явления. В первом случае мы имеем дело с полной лакунарностью, во втором – с неполными

лакунами, когда в ПЯ могут существовать собственные синонимические лексемы или словосочетания, которые передают при этом дополнительную номинативную или коннотативную информацию. Синонимические дуплеты, возникающие в подобных случаях, могут сосуществовать в языке в течение долгого времени, а преимущественное употребление одного из их элементов в той или иной ситуации определяется целым рядом лингвистических и экстралингвистических факторов: стилевым или эмоциональным характером общения, типом дискурса и т.д.

Полные и неполные лакуны возникают в процессе перевода, прежде всего, в связи с необходимостью передачи названия тех или иных реалий социокультурного бытия. Эти реалии можно подразделить на географические (которые в свою очередь делятся на общенациональные и региональные), реалии, описывающие общественно-политическую жизнь, устои, верования и традиции определенного социума, образующие основные правила речевого этикета и т.д. Безэквивалентная лексика, составляющая основной костяк рассматриваемого нами явления, может представлять собой серьезную переводческую проблему. Ее решение связано с наличием у переводчика глубоких познаний в области культуры ИЯ (т.н. «background knowledge»), умения детально и кропотливо анализировать особенности функционирования подобной лексической единицы в определенном контексте, работать с многочисленными справочными материалами и т.п.

Проиллюстрируем обозначенные нами явления, опираясь на анализ последних публикаций журнала «The Economist», касающихся международной политики, экономики и изменений в законодательной системе.

В статье, посвященной прощальной речи Барака Обамы, мы находим следующий пример:

«Yes, you can, the president told around 18,000 supporters in a thoughtful speech of some 45 minutes at McCormick place, an unwieldy convention center on the South Side of Chicago.»

Первую неполную лакуну «the McCormick place» можно объединить со второй «convention center» и передать как «конференц-центр Маккормика». Русская реалия «дворец съездов» представляется неуместной, поскольку за ней исторически закрепился несколько иной смысл. Лакуна «South Side» более проблематична. Ее можно передать транслитерацией, что обычно и делают СМИ: «Саут Сайд». Вторым вариантом является словосочетание «в южной части (Чикаго)». Однако ни то, ни другое сочетание не передает фоновой информации, содержащейся в аналоге ИЯ, так хорошо известной любому американцу. Саут Сайд – район, который знаменит своим смешанным этническим составом (примерно 93% составляют афроамериканцы), резкими контрастами социального стату-

са проживающих, достаточно высоким уровнем преступности и тем примечательным фактом, что он сыграл определяющую роль в биографии сорок четвертого президента США. Именно здесь родилась и выросла его супруга Мишель, здесь Обама работал в качестве адвоката в области гражданских прав и преподавал конституционное право, здесь он произносил свои «победные» речи после двух выборных кампаний. Таким образом, оба варианта перевода чреваты потерей национально-культурного колорита, присущего реалии ИЯ. Может быть, следует прибегнуть к сочетанию одного из них с пояснительным переводом, если это позволительно с точки зрения формата коммуникации.

Здесь же встречается исторически закрепившееся за Чикаго название «Windy City»:

«He declared victory in Chicago in 2008 and in 2012 and again chose the Windy City as the site to give his farewell speech. . .»

Учитывая, что реалия повторяется в тексте дважды, во втором случае данный американизм следует перевести как «Город ветров».

Программная речь недавно избранного премьер-министра Великобритании Терезы Мэй также содержит немало любопытных для переводческой практики примеров:

«Yes, she confirmed. . . Brexit would take it beyond the jurisdiction of the European Court of Justice and of the EU's free movement regime.»

Стандартным переводом словосочетания «The European Court of Justice» является «Европейский суд» (высшая инстанция Суда Европейского Союза). Общественно-политическая реалия «Brexit» (Britain + exit) передается двумя вариантами транскрипции: «брекзит» и «брексит», что неудивительно, учитывая совсем юный возраст данного неологизма. Транскрипционный аналог часто сопровождается пояснительными ремарками: «референдум о выходе Великобритании из Евросоюза» или «выход Великобритании из Евросоюза». На самом деле, учитывая пристальное внимание мировой общественности к данному политическому событию и его значение для будущего Евросоюза, можно обойтись и без пояснительных ремарок. Интересно, что современные он-лайн словари уже регистрируют новые коллокации с этим словом, например, «to feel brexit», где, как мы видим, оно пишется со строчной буквы, а словосочетание, идущее с пометой «сленг» переводится «жалеть о содеянном».

Говоря о важности учета контекстуального окружения при переводе лакун и реалий, проанализируем следующую фразу:

«. . . she (Theresa May) would seek to avoid a «cliff edge» on Britain's exit from the club.»

На первый взгляд, английскую идиому «cliff edge» можно было бы адекватно передать как «резкий переход», имея в виду социально-политическую направленность дискурса. Но проблема заключается в том, что к данной идиоме как текстовой метафоре автор статьи вернется еще два раза, связав ее со следующим лексическим кластером: «precipice», «falling», «balancing» и т.д. Таким образом, перед переводчиком со всей очевидностью встает выбор, заключающийся либо в отказе от передачи образности, либо в поиске такой лексической единицы ПЯ, которая была бы способна одинаково адекватно функционировать при трансляции ряда понятий: «резкий переход», «край обрыва», «пороговые эффекты» и т.п. Учитывая, что потеря значимой текстовой метафоры – серьезный недостаток, заметно снижающий эмоциональное воздействие текста ПЯ на читателя, вторая стратегия представляется более оправданной.

В статье, посвященной законодательной системе США, мы сталкиваемся еще с одним интересным примером:

«In the first few years following Gregg, only a handful of people were put to death».

Для любого читателя, не занимающегося международной юриспруденцией профессионально, лексема «Gregg» – всего лишь имя собственное, мужское имя. Ее простая транслитерация ни о чем не скажет читателю текста в ПЯ. Переводчик, безусловно, должен обратиться к справочным материалам, которые познакомят его с историей прецедента, имевшего место в американской судебной системе в 1976 г., когда спустя четыре года после введения моратория на смертную казнь Верховный суд США вынес решение о возврате к данной мере наказания. Поправку стали называть «Gregg V Georgia» по имени преступника, вовлеченного в прецедентное правонарушение. Какую же стратегию должен избрать переводчик в данном случае? Очевидно, что формат статьи не позволит ему давать обширных сносок по истории юриспруденции. Значит, следует передать данную реалию как «постановление об отмене моратория на смертную казнь», добавив в скобках так называемое «Gregg V Georgia».

Проанализированные нами примеры – это всего лишь небольшая иллюстрация к проблеме выбора способов адекватной трансляции того, что принято называть лингвокультурологическими реалиями. Но даже поверхностный анализ подобных явлений на материале образцов современного общественно-политического дискурса заставляет всерьез задуматься о том, какого рода изменения необходимо внести в программы подготовки специалистов в области перевода для того, чтобы их профессиональный вклад в обеспечение плодотворно развивающегося диалога культур способствовал

поликультурному образованию всех участников коммуникации.

Библиографический список

1. Библер В.С. Культура. Диалог культур // Вопросы философии. 1989. № 6. С. 33-35.
2. Иванова И.Н. Социологический аспект понимания ценностей культуры // Диалог в культуре. М., 1989. Вып. 5. С. 52-58.
3. Sandfuchs U. Lehren and Lernen mit Ausländerkindern. Bad Heilbrunn. 1986. С. 1150-1152.